

СОЦИАЛЬНЫЕ АНТИИНСТИТУТЫ

Сухарев Михаил Валентинович

Отдел исследования социально-экономических систем и их институциональных преобразований Института экономики КарНЦ РАН

Email: suharev@narod.ru

Введение

В последние десятилетия усилилось внимание экономистов к институциональной теории. Это внимание было отмечено присуждением Нобелевской премии 1993 г. Дугласу Норту и оформлением неoinституциональной школы внутри общей экономической теории. Повидимому, революционный этап (по Т. Куну) в институционализме на этом не закончился – быстро растет новая институциональная экономическая теория, пытающаяся пересмотреть некоторые фундаментальные положения неоклассики [Радаев 2001].

Внимание к институциональным процессам усиливается масштабными социально-экономическими переменами в странах бывшего социалистического лагеря. Экономисты получили уникальную возможность присутствовать в огромной лаборатории при пересадке социально-экономических институтов на почву иных стран с другой культурой и экономикой; именно эта «пересадка» со всей ясностью показала, какое значение для экономики имеют социальные институты и их взаимодействие.

Конечно, нельзя было упустить такую возможность для развития теории. На глазах становящаяся исторической, практика показала, что общая экономическая теория сталкивается с большими трудностями при объяснении экономических явлений в обществах с системой неформальных институтов, существенно отличающихся от так называемых «западных». Оказалось, что недостаточно «разрешить» рынок, недостаточно даже принять рыночное законодательство, списанное с законодательства развитых рыночных стран. Формальные институты, импортированные в трансформирующиеся общества, вступают в странное взаимодействие с глубоко укорененными общественными нормами и ценностями. Все возникающие при этом разнообразные социально-экономические эффекты требуют осмысления.

Институты – это «правила игры» в обществе [Норт 1997], регулирующие поведение людей и организаций. Экономисты интересуются, прежде всего, институтами, регулирующие экономическую жизнь. Институты делятся на формальные и неформальные. Формальные институты – это документально оформленные законы, конституции, контракты. Неформальные институты включают обычаи, традиции и кодексы поведения [Там же: 21].

Институты снижают когнитивные (умственные) затраты индивидов на принятие решений, что понятно, исходя из условий ограниченной рациональности и сложного социально-экономического окружения [Budzinsky 2003].

Формальные институты возникают обычно на базе уже установившихся в обществе социальных практик путем их юридического оформления¹. В этом случае формальные

¹ Интересно отметить, что Ликург запрещал делать письменный свод своих законов, считая, что кодекс, который нельзя воспроизвести на память, вреден [Плутарх 2001].

институты соответствуют (конгруэнтны²) неформальным и служат для устранения споров по содержанию и истолкованию неписаных законов, снижая издержки пользования институтами.

Но формальные институты часто служат и для целенаправленного изменения институтов неформальных. В этом случае новые институты конструируются правителями, политиками, представителями народа на основе рационального процесса [Панов 2002; Олейник 1999]. При этом неявно используется сложнейшая когнитивная модель общества, существующая в сознании проектировщиков. На основании этой модели они предвидят, как поведет себя общество, когда к нему будет применен разрабатываемый закон. Следует отметить, что эта модель общества, как правило, в полном виде существует только в сознании группы проектировщиков, а не в чем-то отдельном сознании и является, таким образом, распределенной когнитивной моделью [Сухарев 2003].

Применение формальных институтов для изменения (чаще всего, модернизации) неформальных широко известно в истории и имеет множество вариантов. Это, во-первых, принятие новых законов, которые призваны исключить социальные нормы, признанные устаревшими – например, известный эдикт Ришелье, запрещающие дуэли. Во-вторых, это принятие законов, содействующих распространению новых правил поведения, признанных обществом полезными, – например, законов о свободе печати.

История знает множество вариантов введения новых формальных институтов, различающихся своей массивностью, количеством новых законов, принимаемых за единицу времени. Это может быть как постепенный процесс, когда законы принимаются по одному, обсуждаясь и усваиваясь обществом медленно, так и относительно скоротечный, когда законы принимаются в большом количестве, обычно оформляя и закрепляя политическую победу неких социальных слоев.

Наконец, существуют примеры массивного *импорта институтов*, который можно назвать «институциональной революцией», когда в исторически короткий период времени заменяется большая часть формальной институциональной матрицы данного общества.

В России в 1990-е годы происходил именно массивный импорт институтов. При этом в отличие от варианта законодательного оформления сложившихся неформальных институтов, описанного Нортон, на укоренившиеся социальные практики, методы ведения дел, нормы поведения накладываются чуждые системы законов, к тому же искаженные при их переносе из законодательств других стран и не согласованные друг с другом.

О какой-либо конгруэнтности принимаемых законов существующим в постсоветском обществе неформальным институтам и даже друг другу не могло быть и речи. К сожалению, обсуждение преобразований в постсоциалистических странах с позиций институционализма не велось. Видимо, неявно предполагалось, что неформальные институты после принятия рыночных законов должны прийти в соответствие с ними. Но реальность оказалась сложнее. Отчасти неформальные институты действительно стали изменяться в соответствии с принятыми законами, но отчасти – вопреки этим законам, приспособляясь не действовать по закону, а обходить его.

Естественно, в рамках новых формальных институтов люди и организации вынуждены изменять свое экономическое поведение. По аналогии с нортонским определением институтов как «правил игры» можно говорить об общепринятых *приемах игры*. В некотором смысле, именно о *приемах игры* говорили Р. Нельсон и С. Уинтер, называя их «рутинами» [Нельсон, Уинтер 2000: 30]. Естественно, изменение *правил* игры немедленно ведет к созданию новых *приемов* игры. Процесс разработки новых приемов – это

² О конгруэнтности см., например: [Олейник 1999: 142].

мыслительный, когнитивный процесс, хотя и не всегда сознательный. Исследование процессов социального мышления, которое связывает институты, приемы экономической игры (рутины), социальные инновации, уже происходит в рамках программы построения *когнитивной экономики* [Rizzello, Turvany 2000]. Новые виды экономического и правового поведения разрабатывают индивиды и организации в виде *ментальных моделей* или *когнитивных паттернов*.

Но, будучи однажды открыты отдельными индивидами и организациями, полезные приемы игры моментально усваиваются другими социальными акторами, становятся частью общественного сознания, когнитивного тезауруса общества. При этом быстро происходит совершенствование открытого приема игры путем его модификации многочисленными пользователями с последующей проверкой разнообразных вариантов – по Дарвину – на практике.

Приемы игры можно разделить как на конгениальные *смыслу игры*, так и на ортогональные смыслу, разрушающие его. Смыслом игры или же смыслом института будем называть фундаментальную социальную функцию данного института. Интересно отметить, что *смысл игры* не совпадает с *целью игры*. Цель игры в футбол – забить как можно больше голов. Но, если позволить достижение цели любыми средствами (например, использование дубин с целью забить мяч), цель будет достигаться за счет разрушения смысла игры. Так же и в рыночной экономике целью игры является максимальная прибыль. Но общество не может допустить, чтобы бизнес достигал этой цели любыми средствами. Потому что *смыслом* рыночной игры является не прибыль отдельного актора, а экономическое развитие всего общества.

Здесь мы сталкиваемся с иерархическим строением институтов и институциональной матрицы. Об иерархичности институтов писал и Д. Норт [Норт 1997]. То есть институты, подобно другим идеальным системам – религиям, научным теориям, мифам, строятся путем логического развертывания некой метаинституциональной парадигмы, системы аксиом. Исходно эти парадигмы просты, как, например, *идея* атомов у Демокрита или исходная *идея обмена* для рынка. Но в своем развитии они разворачиваются в сложнейшие многоуровневые системы, как, например, институт собственности разворачивался от простейших идей естественного права к современным разветвленным иерархическим правовым системам, включающим акционерную, земельную, государственную, интеллектуальную и другие формы собственности. В центре же всякого института лежит некая базовая социальная функция, которая является *смыслом* данного института. Видимо, нечто подобное понимал Монтескье под «духом законов», «который заключается в различных отношениях законов к различным предметам» [Монтескье 1955].

Смысл налоговой системы, например, в финансировании потребностей социального организма за счет справедливого обложения членов общества. При этом сама налоговая система в разных странах может изменяться в значительных пределах, опираясь на налог на добавленную стоимость или же заменяя его налогом с оборота, имея центр тяжести на подоходном налоге с населения или же корпоративных налогах, и т.д.

Можно заметить, что институты как «правила игры» не диктуют каждый шаг субъекта, действующего в рамках института. Они предоставляют ему определенное «пространство поведения», зачастую – весьма обширное, ограничивая только пределы допустимого. Возможные действия социального актора в рамках этого пространства можно было бы описать пучком многомерных траекторий в некоем «пространстве возможностей»³.

³ Если в качестве примера игры взять футбол, то в нем появлялись как приемы игры, вписывающиеся в ее смысл (например, персональная опека, построение «стенок» или удар «сухой лист»), так и приемы, ее разрушающие (игра руками, подножки).

Как в других играх, так и в экономике в каждой институциональной матрице возникают как *конгениальные* (соответствующие по духу) *смыслу матрицы* приемы игры, так и *ортогональные* (перпендикулярные) к ней. Среди приемов, конгениальных рыночной экономике, можно назвать повышение производительности труда, совершенствование организации производства, маркетинг, рекламу (с определенными ограничениями), кредит, создание сетей юридических и бухгалтерских консультаций (хотя роль последних может быть двоякой), концентрацию и вертикальную интеграцию производства и многие другие. Среди ортогональных – взятки, коррупцию, фирмы-однодневки, финансовые пирамиды, недобросовестную рекламу и т.д. Чем более «стеснительны» формальные институты, тем в большей степени общество отвечает порождением разнообразных приемов, типов экономического поведения, ортогональных этим институтам.

Интересно отметить, что ортогональные приемы игры не обязательно противоречат формальным институтам. Напротив, часто используются приемы, укладывающиеся в рамки закона, но противоречащие его смыслу. Например, распространенная в России с 1990-х годов «налоговая оптимизация» через оффшорные фирмы, формально не противоречащая законам налоговой системы, противоречит ее смыслу.

Особенно бурно создание приемов игры идет при институциональной революции, когда массово внедряются формальные институты, неконгруэнтные привычным данному обществу правилам и стереотипам поведения. Мы все были свидетелями того, какую изобретательность проявили российские бизнесмены, изобретая «приемы игры с налоговой инспекцией».

«Правила игры», в свою очередь, не могут оставаться безучастными к появлению новых приемов игры. Примером является введение в правила игры в футбол пенальти в наказание за грубую игру, что произошло 1891 г. Иначе футбол мог превратиться в игру совсем другого толка – некое коллективное карате, где гол являлся бы лишь завершением удачной драки. Приемы игры сконцентрировались бы на видах ударов по ногам и другим частям тела и на способах защиты от этих ударов; игра получила бы совсем иной *смысл*. Так же и в рыночной экономике без соответствующих формальных и неформальных запретов царствовали бы монополии с монопольными ценами, беспринципная реклама, сверхэксплуатация и финансовые пирамиды.

Такие процессы происходили в 1990-е годы в России. Принятие драконовского налогового законодательства привело к быстрому распространению ортогональных приемов игры: использованию «черного нала» (неучтенных платежей наличными); оформление работ через организации, имеющие налоговые льготы, через фирмы-однодневки; внутреннего и внешнего оффшора; зарплат «в конвертах» и множества других. Налоговое законодательство реагировалось многочисленными поправками и подзаконными актами⁴.

Меметика и институционализм

В настоящее время существует исследовательское сообщество, развивающее научное направление, названное ими «меметика». Существует довольно обширная литература, имеется Интернет-журнал «Journal of Memetics»⁵. «Мем» (meme – от слова memory) – это «единица культурной эволюции и отбора» [Wilkins 1998]. Термин предложил Ричард

⁴ Например, постановление от 30 июня 1993 г. «Об установлении предельного размера расчетов наличными деньгами», принятое в целях борьбы с установившейся практикой наличных расчетов, когда по завершении операции все документы уничтожались.

⁵ См.: <http://www.cpm.mmu.ac.uk/jom-emit/>

Доукинз в известной книге «Эгоистичный ген»⁶. На русском языке в настоящее время используется как транскрипция «мим» (и, соответственно, «миметика»), так и транскрипция «мем» (и соответственно «меметика»). Кажется более правильным (и в последнее время такая транскрипция чаще встречается) использовать корень «мем» как общий со словами «мемориал», «меморандум», «мемуары», т.е. корень, который выражает в русском языке идею памяти (в то время как корень «мим» выражает идею подражания: клоун-мим, мимикрия).

К мемам относятся типические идейные конфигурации, распространяющиеся в культуре: мелодии, анекдоты, сказки, узоры, приметы, софизмы, фасоны одежды и т.д. Докинз обратил внимание на то, что эти элементарные культурные единицы распространяются в чем-то подобно биологическим генам, «размножаясь» в общественном сознании, «мутируя» и подвергаясь отбору. При этом некоторые мемы широко распространяются в обществе, другие же постепенно исчезают.

Институционалист сразу заметит, что к мемам можно отнести многие из неформальных институтов – обычаи, традиции, нормы поведения, а также ряд формальных – например, типовые контракты.

Более сложные институты – такие, как институт собственности – можно определить как мемеплексы [memplexes]. Мемеплекс – это комплекс, органическая конструкция из мемов. *«Мемы не распространяются независимо. Религиозное обучение, например, передает индивиду целый узел мемов, который обычно преподносится как целое или не преподносится вовсе»* [Gatherer 1997]. Абсолютно то же самое можно сказать о комплексе знаний предпринимателя, о предпринимательской культуре, имеющей свои характерные черты в разных странах.

Интересно, что даже сложнейшие мемеплексы имеют некоторые характерные особенности, которые позволяют человеку легко опознавать их. Например, даже далеко не специалист легко отличает восточную архитектуру от западной, химический текст от математического.

Автор данной статьи предлагал называть легко распознаваемые человеком органические комплексы идей *идейными гештальтами* [Сухарев 2001; Сухарев 2002].

Социализация индивида в определенной социальной группе определенного общества будет означать, что он, скорее всего, разделяет большинство своих мемов с другими членами этой группы. Такой набор мемов Гэзерер предлагает называть пулом мемов [memes pool] [Gatherer 1997].

Мы можем сделать здесь важное для институциональной теории замечание. Для всякого человека очевидно, что, проникая в сознание, мем взаимодействует с другими мемами, уже усвоенными человеком. Скорость и точность распознавания образов имела принципиальное значение для выживания вида в процессе эволюции. Было очень важно распознать хищника или добычу, причем среди многих видов, даже в темноте, в тених деревьев при свете луны, расслышать звук шагов за шумом листвы. То есть всякий поступивший в мозг образ должен был быть моментально и безошибочно сопоставлен с огромным множеством других образов, имеющихся в сознании, причем в условиях интенсивных помех.

Эволюционная ценность этих когнитивных способностей привела к возникновению у высших животных чрезвычайно развитого мозга. В процессе дальнейшей социальной эволюции после возникновения вида homo sapiens эти способности стали использоваться и для распознавания *идей* – идеальных структур, паттернов, порожденных культурой. Механизмы мозга, первоначально предназначенные для выживания, стали использоваться для опознания и работы с абстрактными идеями логики, философии, математики, с навыками

⁶ См.: Dawkins R. Selfish Gene. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 1989 (1978, 1976).

и приемами экономической деятельности. Причем только частично восприятие и понимание идей регулируется сознанием и логикой.

Благодаря существованию таких когнитивных механизмов предприниматели моментально распознают новые «приемы игры», бизнес-схемы, даже пользуясь отрывочной информацией. Поэтому, однажды появившись, такие схемы очень быстро распространяются на все бизнес-сообщество, проникая и в другие страны со сходными институциональными проблемами (из России на Украину и обратно, например).

Можно сказать, что в этом процессе участвует обобщенная рациональность индивида. В результате некоторые мемы отвергаются «с порога», некоторые забываются впоследствии, но некоторые вызывают сильнейший резонанс сознания, запоминаясь на всю жизнь. Более того, человек зачастую становится активным адептом данного мема, распространяя его по сознаниям окружающих людей.

Однако и сам характер рациональности этого человека изменяется, принимая новый мем. Усвоив новую примету, новую мудрость, новое правило поведения, человек будет вести себя уже изменившимся образом. Его сознание создает новые мемеплексы, избирательно объединяя новый мем с уже имевшимися у этого человека. Отметим, что мы, люди, умеем распознавать невидимые глазом *идейные гештальты* личности, и не только распознавать, но и классифицировать. Мы довольно быстро определяем, к какому типу ментальности относится данный человек, и включаем схему поведения, назначенную для этого типа.

Отметим также, что с позиций меметики не только мемы подвергаются отбору во времени. Успешность усвоивших их людей также изменяется в зависимости от того, какой ансамбль мемов они усвоили. Людям свойственно проявлять внимание к успеху. Наблюдая за успешными людьми, они пытаются понять, какие идейные структуры, какие мемы придают им успешность, и перенимают эти мемы, способствуя их дальнейшему распространению.

Взаимодействие приемов и правил игры: возникновение антиинститутов

Массовое распространение ортогональных приемов игры ведет к оформлению ряда социальных явлений.

Во-первых, так или иначе все экономические агенты являются участниками экономической жизни, вступают в многочисленные взаимодействия друг с другом. Как следствие, требование снижения когнитивной составляющей трансакционных издержек ведет к унификации этих приемов, с тем чтобы вместо непроизводительного расходования своих ограниченных когнитивных способностей агенты могли действовать на основании мотивированных *обоюдных ожиданий* [Rizzello, Turvany 2002]. Таким образом, унификация, общественное признание и *социализация* ортогональных *приемов* игры фактически ведут к возникновению ортогональных *правил* игры, или *антиинститутов*. Дело в том, что использование неким экономическим агентом нестандартных приемов, рутин, ведет к повышенным для него трансакционным издержкам, ибо партнеры *не понимают* его поведения. Первоначально придуманные одним или несколькими агентами, приемы игры, становясь общим достоянием, изменяют общепринятые правила поведения, создают новые социальные институты.

Во-вторых, начинают складываться неформальные и формальные структуры, организации, способствующие реализации ортогонального экономического поведения. Происходит *институционализация* экономического поведения, противоречащего действующим формальным институтам. В 1990-е годы в России возникли, например, многочисленные фирмы, предлагающие услуги по обналичиванию денег за весьма умеренный процент, фирмы, специализирующиеся на регистрации и продаже оффшорных фирм «под ключ», образовались консалтинговые фирмы, обучающие «минимизации налоговых отчислений»,

фирмы, регистрирующие и продающие «однодневки». Сложился целый сектор экономики, обслуживающий нарушение экономических институтов общества.

Переориентировались на обслуживание ортогональных приемов игры и организованные преступные группировки (ОПГ) [Волков 2002], со свойственной им энергией создавая разветвленную инфраструктуру, обеспечивающую нарушение и обход законов. Печатаются литература, действуют интернет-сайты, распространяющие приемы, с помощью которых можно действовать вразрез со *смыслом* институтов, оставаясь в рамках их *формы*. Складываются *социальные сети*, стабильная система контактов и коммуникаций между экономическими акторами, с помощью которых функционируют антиинституты.

Норт писал о том, что нарушение институциональных рамок должно наказываться [Норт 1997]. Казалось бы, никто не наказывает за нарушение антиинститутов. Но здесь действует мощный экономический фактор – бизнесмен, не использующий ортогональные правила игры, оказывается неконкурентоспособен. Это «рыночное насилие» заставляет их использовать так называемые «схемы» даже вопреки личным склонностям.

Антиинституты строятся не только «снизу вверх». Возникают практики поведения, при которых руководители разного уровня – муниципального, регионального и даже федерального – формально, в рамках и по смыслу принятого рыночного законодательства, отстраненные от влияния на коммерческую деятельность, начинают использовать прокуратуру, налоговую инспекцию, пожарников и другие рычаги для установления контроля над предприятиями и бизнесменами. Эти практики также копируются, распространяются и унифицируются, превращаются в традицию – т.е. *институционализируются*, становятся нормой поведения. При этом усложняется противостояние давлению для бизнесменов и фирм, подвергающихся давлению, поскольку люди весьма подвержены воспроизведению типовых схем поведения. Если устоялась практика, при которой бизнесмен при «властном наезде» не обращается в суд, а покорно «отстегивает» требуемый процент или включает нужных людей в акционеры, то сопротивление этой практике намного сложнее, нежели это было, пока такой «прием игры» еще не стал общепринятым.

Идеоматериальные системы

В системном подходе имеется прием для определения того, является ли данный элемент необходимой частью целостной (холической) системы. Надо только представить, сможет ли система функционировать без этого элемента. Например, автомобиль может ездить без молдингов, без бамперов, но не может ездить без колес или мотора.

Посмотрим с этой точки зрения на компьютер. Может ли компьютер работать без программы? Очевидно, без программы он может только жужжать вентиляторами. Более того, в зависимости от загруженной программы один и тот же компьютер может выполнять совершенно разные функции – помогать редактировать текст, создавать рисунки или же выполнять вычисления. Говоря философским языком, в зависимости от загруженных программ изменяется его *качество*, изменяются его реакции на внешние воздействия, изменяются его свойства, хотя вещественная часть компьютера не изменялась, к ней не добавлялись какие-то материальные элементы.

То есть *программа является необходимым элементом* комплекса – можно сказать, его деталью. И замена этого элемента изменяет систему в целом, ее свойства и функции так же, как, скажем, замена шлифовального круга на дисковую пилу изменяет свойства электроинструмента. Но с одной особенностью: это деталь *идеальная*. Тем не менее, этот идеальный элемент вызывает вполне материальные действия – например, печать на принтере. Иными словами, мы имеем систему, в которой идеальные элементы взаимодействуют с материальными. Но идеальные элементы взаимодействуют не только с

материальными. Они взаимодействуют и друг с другом. Например, всякая программа в компьютере взаимодействует с операционной системой, которая также является программой для управления работой компьютера.

Итак, будем называть идеоматериальной системой такую систему, некоторые из элементов которой, важные для ее функционирования (те, с потерей или заменой которых система изменяет свое качество), имеют идеальную природу. Ясно, что человек и общество также являются идеоматериальными системами. Человек, изменяя свои убеждения, изменяет свое поведение. Иногда даже небольшая полученная информация полностью меняет намерения человека. Так же и общество меняет свое поведение, свои характеристики, изменив свою идеологию. Россия в XX столетии дважды полностью меняла свой облик: после «перезагрузки» государственной идеологии с монархической на коммунистическую и затем на рыночную. Социальные институты являются важной составной частью идеоматериальной системы общества. Это в каком-то смысле элементы «операционной системы» общества, в рамках которых должны функционировать более частные программы экономических акторов.

Если в компьютере имеется несколько программ, между которыми требуется взаимодействие, они должны соответствовать друг другу, «знать» точки входа и выхода, иметь совместимые протоколы обмена информацией. Идеальные элементы должны так же соответствовать друг другу, как элементы материальные.

Представим себе социальные институты и типы экономического поведения как некие детали (рычаги и шестерни) социального механизма. Очевидно, они должны быть устроены таким образом, чтобы их конфигурация позволяла взаимодействовать.

Что же происходит при импорте институтов, когда новая формальная часть институционального гештальта надстраивается над старой неформальной? Нарушается взаимодействие между «идеальными деталями» социальной системы, падает производительность ее работы. Но общество – это не машина, а скорее живой организм, и имплантированная деталь начинает «обрастать» соединительными тканями.

При этом целью такой «инкапсуляции» может быть как принятие импланта в организм, так и его изоляция. Создание антиинститутов является естественной приспособительной реакцией имеющей органическое строение социальной системы на появление в ней чужеродного элемента.

Формализация антиинститутов

Как это ни парадоксально, но антиинституты могут частично принимать вид формальных институтов. Например, институт проституции можно считать антиинститутом по отношению к институту семьи. Но в ряде стран существуют законы, регулирующие эту деятельность и являющиеся формальной надстройкой над существующей веками неформальной практикой. Институты, регулирующие экономическую деятельность, также достаточно часто производят законодательные акты, формализующие некоторую часть антиинститутов. Разумеется, принятие таких законов лоббируется заинтересованными слоями общества. В России к таким законам можно отнести законы, освобождавшие от некоторых видов налогов организации инвалидов; акты властей, освобождавших от налогов религиозные организации; разнообразие схем налогообложения для малых предприятий и частных предпринимателей.

Общим для всех видов формализации (легализации) антиинститутов или их частей является то, что они официально оформляют виды экономического поведения (приемы игры), направленные на обход действующих институтов. Разумеется, законодатель никогда не примет закон или иное правовое положение, полностью противоречащее другому действующему закону. Поэтому формализация антиинститутов имеет вид актов,

направленных, видимо, на достижение других целей, и легализует только часть антиинститута, пересекающуюся со своим институтом, – антиподом только в какой-то одной или нескольких зонах.

Однако принятие нескольких законов, формализующих каждый в своем теле часть антиинститута, способно придать законный статус большей части идеальной системы, составляющей антиинститут и почти полностью заблокировать действие основного социального института.

Демонтаж антиинститутов

Социальная практика постсоциалистических стран показала, что реконструкция общества является сложной задачей, которая не решается какими-либо механическими действиями. Требуется комплекс мер, организованных в систему и проводимых в определенной последовательности. Учитывая, что в мире нет сверхума, способного предвидеть все последствия каждой из этих мер и тем более их комбинаций, необходима постоянная коррекция преобразований с учетом того, что происходит.

Образование антиинститутов, хотя они и позволяют обществу пережить период перемен, разумеется, нельзя считать положительным явлением. Но и уничтожить их «декретом» в мгновение ока тоже невозможно. Напротив, зачастую попытки заставить выполнять какой-то закон приводят к распространению типов поведения, еще более вредных для общества. Например, введение в России 1990-х годов огромных штрафов за нарушение налогового законодательства привело к распространению работы через подставные юридические лица (фирмы-однодневки), через фирмы, зарегистрированные в Чечне, через оформление фиктивных документов о закупке и оплате. Борьба с этими нарушениями очень сложна, поскольку невозможно при каждой сделке проверять законность существования фирм-контракторов.

Кроме этого, вполне вероятно, что одномоментное уничтожение *всех* антиинститутов может привести к остановке экономической деятельности во многих областях экономики. Но сохранение системы антиинститутов, даже в условиях, когда население и экономические агенты привыкли ими пользоваться, нельзя считать нормальным явлением. Слишком высокими в этих условиях остаются риски экономической деятельности, неопределенность ситуации. Вместо продуктивной экономической деятельности когнитивный потенциал предпринимателей расходуется на изобретение «схем» обхода формальных институтов. Государственная власть вместо решения социальных проблем занимается игрой с предпринимателями в «казаки-разбойники». Чрезвычайно осложняется работа с иностранными предпринимателями.

Иными словами, через некоторое время после институциональной революции обществу требуется демонтаж возникших антиинститутов. Каким образом можно постепенно демонтировать антиинституты, не осложнив при этом работу экономики и избежав образования новых антиинститутов взамен старых?

Во-первых, нужно постоянно помнить о диалектической связи правил и приемов игры: первостепенную важность имеет не изменение институтов самих по себе, а изменение социального и экономического поведения членов общества. Демонтировать антиинститут означает сделать невозможным или невыгодным поведение, конгениальное этому институту. Для этого может понадобиться принятие формального института, направленного против моделей поведения, против приемов игры, против рутин, которые законодатель решил элиминировать. Причем исходить нужно из того, что опознание и пресечение устранимых приемов должно быть очень простым и эффективным.

Во-вторых, нужно делать более выгодным использование рутин (приемов экономической игры), соответствующих рационально установленным формальным институтам. Для этого в ряде случаев необходимо модернизировать данные институты, снижая издержки пользования ими как со стороны предпринимателей, так и со стороны контролирующих инстанций. В России примером такой модернизации является принятие законов о налогообложении предприятий по упрощенной схеме и вмененному налогу. По мере исчезновения оппортунистических приемов игры антиинституты становятся ненужными и отмирают как альтернативные формальным правилам игры.

Учитывая когнитивную природу как институтов, так и рутин, представляется целесообразным бороться не только с оппортунистическим поведением, но и с информационными потоками, распространяющими это поведение.

Необходимо постоянно анализировать «схемы» обхода законодательства и разрабатывать оптимальные приемы борьбы с ними с учетом того, что и предприятия, и предприниматели находятся в социальной среде и являются ее продуктом.

Наконец, необходим системный анализ законодательства и практики. Нужно исследовать взаимодействие законов друг с другом и с неформальными институтами, выявлять случаи, когда одни законы служат для нейтрализации действия других законов, являясь частью спрятанного за ними антиинститута.

Литература

- Budzinsky O. Cognitive Rules, Institutions, and Competition // Constitutional Political Economy. 2003. No. 14. P. 213–233.
- Gatherer D. Macromemetics: Towards a Framework for the Re-unification of Philosophy // Journal of Memetics. 1997. Vol. 1. http://www.cpm.mmu.ac.uk/jom-emit/1997/vol1/gatherer_dg.html
- Rizzello S., Turvany M. Institutions Meet Mind: The Way out of an Impasse // Constitutional Political Economy. 2000. No. 11. P. 165–180.
- Rizzello S., Turvany M. Subjective Diversity and Social Learning: A Cognitive Perspective for Understanding Institutional Behavior // Constitutional Political Economy. 2002. No. 13. P. 197–210.
- Wilkins J.S. What's in a Meme? Reflections from the Perspective of the History and Philosophy of Evolutionary Biology // Journal of Memetics. 1998. No. 2. http://www.cpm.mmu.ac.uk/jom-emit/1998/vol2/wilkins_js.html
- [Волков В.В. Неформальная силовая структура // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 4. С. 33–57.](#)
- Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.
- Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений. М.: Финстатинформ, 2000.
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
- Олейник А.Н. Институциональная экономика // Вопросы экономики. 1999. № 7. С. 129–148.
- Панов П.В. Трансформации политических институтов в России: Кросстемпоральный сравнительный анализ // Политические исследования. 2002. № 6. С. 58–70.
- Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 3-х т. СПб.: Кристалл, 2001.

[Радаев В.В. Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы // Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 3. С. 5–26.](#)

Сухарев М.В. Эволюция общества как движение идей // Социально-экономическое, духовное и культурное возрождение Карелии. Карельский научный центр РАН. Петрозаводск, 2001. С. 32–42.

Сухарев М.В. Динамический структурный идеализм как философия институционализма // Социально-экономические реформы: региональный аспект. Материалы третьей российской научно-практической конференции. ВНКЦ ЦЭМИ РАН. Вологда, 2002. С. 283–289.

Сухарев М.В. Распределенные когнитивные модели в региональном планировании // Рыночные преобразования в России и Карелии: опыт первого десятилетия и взгляд в будущее. КарНЦ РАН. Петрозаводск, 2003. С. 66–76.